

гом страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Ибо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [*Проконвич Ф.* 1961. С. 126–128].

Таким образом, современникам Петра Великого, которые стремились к тому, чтобы Россия стала современной державой, равной в своем положении другим передовым странам мира — в XVIII столетии это были западноевропейские государства, — было очевидно, что все его преобразования были необходимы. Они понимали, что только в таком состоянии гарантированы ее территориальная целостность и последующее бытие как великой страны, которая сформировалась такой исторически. Они в полной мере осознавали, что альтернативой этому прогрессивному пути развития является лишь «небытие», как выразился канцлер Головкин, — т. е. или все нарастающее отставание в темпах развития и превращение страны в провинциальное захолустье Европы, или превращение России в объект завоеваний и разделов промышленно развитыми державами.

Значительная часть крестьянства, торгово-ремесленного населения, духовенства, определенная часть знати, которую петровская табель о рангах уравнила в службе Государству с дворянством, стремились к сохранению старины. Тяготы войны, реформ и постоянного строительства имели следствием не только Булавинское и Астраханское восстания, но также социальные протесты в виде бунтов и других, менее значимых видов борьбы. В этой части общества, особенно ревнители старины, царя называли антихристом [*Шмурло Е.* 1912. С. 3–7].

Создание современной России в правление Петра Великого являлось процессом сложным. Преобразования затронули многие стороны экономической, общественно-политической и духовной жизни россиян, оставив в неприкосновенности средневековые по происхождению крепостничество и сословный строй, которые оказывали значительное воздействие на все стороны этой жизни. Однако превращение России в мировую державу, ее включение в общеевропейский контекст экономики, политики и культуры в полной мере подтвердили обоснованность выбора Петра Великого. Все петровские преобразования создали в России новую интеллектуальную среду, в которой гений русского человека мог себя выразить на современном уровне развития европейской культуры и науки.

2. Петр Великий и формирование россиянина Нового времени

В значительной историографии, посвященной деятельности Петра Великого, Н.И. Павленко на научном уровне сформулировал проблему психологической характеристики первого российского императора, отметив

многочисленные свойства, положительные и отрицательные, его характера [Павленко Н.И. 1973. С. 40–102]. Л.А. Черная системно исследовала основное содержание русской культуры в переходный период от средневековья к Новому времени и предприняла опыт анализа эволюции личности человека в это время [Черная Л.А. 1999; 2008]. Но, как представляется, еще нет исследований, в которых изучен конкретный вклад Петра Великого в процесс формирования основных черт русского человека Нового времени со свойственным ему мышлением, сознанием и самосознанием.

Такая тема — сюжет предстоящих исследований по исторической психологии. В данной работе можно рассмотреть этот сюжет лишь в основном его содержании на основе анализа личности Петра Великого — идеолога и творца Новой России — для определения образа мыслей и деятельности героев той эпохи, включая М.В. Ломоносова.

Разумеется, субъективные характеристики восхвалений и осуждений к аналитическим работам не относятся. Основным историческим источником для изучения личности Петра как деятеля Нового времени являются его суждения о жизненных принципах.

Вероятно, определяющим фактором в формировании Петра как человека Нового времени стали обстоятельства его детства, отрочества и юности. После кровавого переворота, совершенного Милославскими с помощью восставших стрельцов в 1682 г., десятилетний Петр и его мать, Наталья Кирилловна, должны были в регентство царевны Софьи для безопасности уехать из кремлевского дворца и жить в селе Преображенском. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче царская жизнь в Кремле подчинялась законам благочиния в соответствии с идеалами старины. Цари проживали календарный год по церковным праздникам в ограниченном мире «Верха», замкнутого кремлевскими стенами, лишь изредка нарушаемого богомольями в подмосковных монастырях. В этот постоянно повторяющийся мир средневекового образа жизни лишь просачивались элементы западного комфорта и роскоши. Формальный соправитель Петра его единокровный брат Иван остался со своей сестрой Софьей в душевных комнатах кремлевского дворца, продолжал хиреть и умер от болезней в 29 лет.

Петр находился в других условиях. Он жил в «хоромах» в селе, близко к народной жизни. Уже в 12 лет Петр заинтересовался работой каменщиков и плотников, в 14 лет — столяров и кузнецов, так что ему были доставлены соответствующие инструменты. Чтение книг пробудило у него интерес и к печатному делу. В 13 лет он приказал доставить из оружейной Большой казны иконы, часы и разные виды оружия, а в 14 лет — и голландский большой глобус, который там находился, видимо, без употребления [Богословский М.М. 1940. С. 60–61].

Как следует из воспоминаний Петра, включенных в виде предисловия в изданный в 1720 г. Морской устав, он узнал от князя Я.Ф. Долгорукого о су-

ществовании такого инструмента, «которым мочно брать дистанции или разстояния, не доходя до того места», но сам инструмент у князя не сохранился, так как его украли [речь идет об астролябии; здесь и далее текст цитируется по копии авторского чернового варианта, сохранившего особенности стиля Петра Великого, который писал, следуя фонетической форме слов: Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 94. Л. 444–444 об.; см. также комментарии к тексту: *Богословский М.М.* 1940. С. 62–63]. Петр так заинтересовался этим инструментом, что «наказал» купить его во Франции, куда князь был отправлен с посольством весной 1687 г. Петру тогда еще не исполнилось 15 лет. Долгоруков привез астролябию, «готовальню с циркулями и протчим», но признался, что не «умел» астролябию «употреблять». После поисков такого знатока нашли голландца Франца Тиммермана, который взялся Петра обучить ею пользоваться. Как написал далее Петр, «к чему я гораздо пристал с охотою учитьца геометрии и фортификации, и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть безпрестанно и в компаниях с нами».

В последующем повествовании Петр сообщил, что он обнаружил в амбаре своего двоюродного деда Никиты Ивановича Романова (ум. в 1654 г.) «судно иностранное». Тиммерман объяснил ему, что «то бот аглинской». Петр спросил, «какое преимущество имеет перед нашими судами», «понеже видел его образом и крепостью лутче наших», разъяснил здесь же царь. Ответ Тиммермана его поразил: «он ходит на парасах не толко что по ветру, но и протиф ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы н[e] имоверно». По приказу Петра нашли голландца Карштена Бранта, который начинал строительство современных российских судов еще при царе Алексее Михайловиче. Тот починил ботик и показал, как лавировать под парусом, «что мне паче удивительно и зело любо стало», — продолжил Петр. Но Яуза была узка для английского бота, о чем царь не без юмора вспоминал: «Потом, когда я часто то употреблял с ним, а бот не всегда хорошо варочался, но более упирался в берега». «Тогда я перевез его на Прасяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от час[у] быть более». С позволения матери он стал жить на Переславском озере, где Брант построил «2 малые фрегаты и 3 яхты» «и там несколько лет охоту свою исполнил, но потом и то показалась мала», — вспоминал Петр. Далее он рассказал, как отправился в Архангельск и как ходил по морю на яхте «Св. Петр».

Таким образом, близость к народной жизни и интерес к ней с детства воспитали в юном царе восприятие мира реального, современного, и отторжение быта средневекового. Но в этом реальном мире также был выбор — плавать по Яузе на традиционных лодочках или выходить в моря и океаны на современных судах. Петр выбрал второе. Но тут оказалось, что по объективным историческим причинам отечественные мастера, в отличие от иностранных, голландских, не могут их строить. Таким образом, в сознании юного царя устанавливалась устойчивая связь нового, прогрессивного, с западноевропейским. Эта связь укреплялась

в процессе подготовки своих «потешных» полков, вооруженных иностранным оружием и обученных преимущественно иностранными офицерами. Такое соединение отечественных основ и новейшего западноевропейского опыта создавали условия для появления российского флота, современной армии, а петровские «потешные» стали началом российской гвардии и образцовой моделью подготовки пехотных полков.

Намечая новые пути развития России, Петр с юности начинал с себя. Он не только учился ремеслам, участвовал в строительстве кораблей, но также осваивал новые знания, занимался математикой, астрономией, мог пользоваться астролябией. С этими знаниями в его языке появились и западноевропейские научные категории, соответствия которым еще не было в русском языке. Как следует из учебной тетради, 16-летний Петр был в полной мере подготовлен для занятий по артиллерийской стрельбе: «Потом, когда хочешь на уреченное место сътърелять, тогда възьѣ дистанцію, потом възьять циркалем на таблице те гърадусы, которыя при опыте на къвадрате были, и тою мерою искать на таблице [с правой сътороны] таво числа съколко [на опыте] далече бомба легла, и когда найдешь, тогда по той линии искать той далины, куды брасать хочешь, и възьѣ ту меру поставитъ на градусы, и колко укажет, сътолко и на къвадранте сътаф» [ПБПВ. 1887. Т. 1. С. 8–10]. Все эти и другие знания позволят позднее Петру создать новую российскую артиллерию, быть артиллеристом, проектировать корабли, свободно ориентироваться в тех вопросах, которые требовали технических сведений.

Значительный опыт в военном деле, включая фортификацию, имел для Петра как теоретическое, так и практическое значение. Он участвовал в многочисленных походах, в проектировании и строительстве крепостей, в сражениях на суше и на море. Так что исполнено большого значения его образное выражение: «Бояться пушек — не иттить в солдаты» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 455].

Всю жизнь Петр занимался ремеслами, научившись работать на станках. Он осваивал самые разные специальности, прекрасно разбираясь в особенностях производства. Петр участвовал в обсуждении строительства крепостей, городов и отдельных зданий на равных со специалистами в этих вопросах. Он стремился пригласить в Россию лучших специалистов, прекрасно понимая их значение в тех отраслях, которыми они занимались. В частности, Петр был очень доволен, когда удалось заключить договор о работе в России Ж.-Б. Леблона, творчество которого он высоко ценил, а также мастеров разных специальностей, которые его сопровождали. Но в необходимых случаях он критически относился и к проектам Леблона, соотнося их с российской действительностью. В частности, в связи с леблоновым планом застройки Петербурга он написал 17 апреля 1717 г.: «Понеже по леблоновым чертежам во въсех полатных строениях, а особливо в питербургских домах окъны зело велики, а шпации (расстояния. — *М. С.*) зело межъ ими малы, чего для ему

объявить, чтоб в жилых полатах конечно окъны менши делал, а в салах как захочет, понеже у нас не французский климат» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 374–374 об.].

Почти ежедневно Петр давал многочисленные конкретные указания разным лицам, от генералов, адмиралов и сенаторов до рядовых исполнителей, требуя их осуществления. В памяти он хранил все. Его поручение от 5 апреля 1717 г. поручику Александру Апраксину, который находился тогда в Англии, — одно из очень многих подобного содержания: «Мастер, которой пилы делает, умеет ли протчия снасти делать, а особливо буравы. О том отпиши. Шлюпочной мастер ежели гараздо доброй и на воинския карабли делает, то тцись склонять за сто фунтов на год. Буде же не можешь за ту цену сыскать, то уже и на том, что 130 фунтов. Примай к тому ж, чтоб он выучил наших [и] в капитуляции (т. е. в разделах договора. — М. С.) написано было двух человек. Кузнеца, ежели нельзя дешевле, примай и за ту цену, но чтоб не стар был, дабы хотя мало мог навькнуть языку нашего. Пумповых кож и веселной мастер дороги и понеже сих мастеров много, того ради поищи дешевле, а имянно, чтоб поменши ста фунтов на год.

Купи столов ореховых по сему.

2, чтоб мочно было 24-м персонам сесть.

4, чтоб 12 персон.

6, по 6 или 8 персон.

4, четвероуголныя, что между окон ставят. Буде же очень дороги, ореховыя, то половину ореховых, а другую дубовых. Также ежели какия новой моды поставцы и ш[к]афы в кабинетах есть, пришли рисунки и с ценою. Также сыщи роспись, а лутче б кто из нанятых мастеровых выучился свечи делать такия, какия у них ставятца на караблях назади и на Марсе в фонарях и горят гараздо ясно, понеже иная композиция в них, нежели в обыкновенных свечах, о чем я сам во флоте их слышал» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 329–330].

Как следует из таких распоряжений, для Петра мелочей не существовало. Все было важно. Все должно было служить пользе общественной и государственной, должно было находиться на новейшем уровне и осваиваться в России. Но при этом деньги государственные следовало беречь.

Все дни Петра Великого за редчайшими исключениями были насыщены множеством дел государственного значения. Перечень выполненных дел и решений, намеченных на 10 апреля 1717 г., — пример лишь одного дня, подобного очень многим другим во время его правления: «Приказано: 1) О разделении войск по крестьянам сухопутных и рекрутов морских [кроме гвардии] и провиант. 2. Чтоб ныне ведать, что сходитца с мужиков и что с протчева. 3. О кожевных заводах. *В Адмиралтействе* (подчеркнуто Петром Великим): 4. О судах без скобок. 5. О мундире из своих сукон и пример брандербургских. 6. О Астрахани и Бековичеве деле. 7. О насильном крещении

шведов. 8. О заказе вывозу матерей всяких и золотых, чтоб сибирскими довольствовались до конца войны, также и о игре в денги. 9. О езде дворян к Москве двойников и о выборе и суде ландратов и перемене их. 10. О росписи, что им следованно по указам и чего нет и надсматривано ль по указам и чрез кого и сколько раз, а на непослушных что чинено и протоколы были ль. 11. О подряде в работах. 12. О щетном деле Зотова. Зделано. 13. К гаванному делу определить кого-нибудь из сенаторей. 14. О пошлине с возов во всех городех. 15. О беспошлинной торговле здесь хлеба и мяса, а вместо того разложить по иным городам» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 350–350 об.; в тексте все эти пункты написаны с новой строки]. Каждое из этих дел могло бы стать темой обстоятельного исследования.

В соответствии с принципами Нового времени Петр противопоставил средневековому мышлению научное знание. Такой подход постоянно проявлялся у него не только в неизменном интересе к открытиям в науке и технике, к научным коллекциям, что нашло последовательное завершение в создании Кунсткамеры, но также к научному объяснению явлений природы. Показателен в последней связи эпизод с солнечным затмением, которое должно было произойти 1 мая 1707 г. В письме в Москву от 7 апреля 1706 года графу Ф.А. Головину Петр его предупредил о предстоящем затмении и велел прислать в Петербург астрономические инструменты для соответствующих наблюдений. Он приказал также, чтобы Головин распространил сведения о предстоящем затмении «в наших людех, что оное будет, дабы в чудо не ставили, понеже, *когда люди про то ведают, то не есть чудо*». Соратники Петра постарались распространить сведения о будущем затмении. В Москве было издано печатное «Изъявление о затмениях». Так что после затмения К.А. Нарышкин писал из Пскова не о «великом удивлении и страхе», а по минутам конкретно изложил основные наблюдения над этим явлением природы [ПБПВ. 1900. Т. 4. С. 209, 802–804; курсив наш. — М. С.]. Но афоризм Петра Великого, в соответствии с которым «когда люди про то ведают, то не есть чудо», раскрыл содержание последующей интеллектуальной жизни просвещенных россиян Нового времени. Такая мысль продолжала идеи Р. Декарта о господстве человека над силами природы и об усовершенствовании самого человека.

В петровское царствование появились и новые средства ежедневного распространения научных знаний, воспитания у россиян светского историзма мышления — «Русский печатный календарь», типографски напечатанный современным гражданским шрифтом, подготовленным и отредактированным под руководством Петра Великого. В таком календаре или «месяцеслове», предназначенном для необходимых ежедневных записей, указывались наряду с днями празднования православных святых (в порядке перечисления в календаре) знаки зодиака и названия планет, число лет от начала четырех монархий — Вавилонской, Персидской, Греческой (Александра Македон-

ского), Римской. Учитывалось и время библейское в указании «исхождения израилскаго» (из египетского плена). Далее следует количество лет от избрания «книг печатных», т. е. важнейшего для мировой цивилизации распространения знания. Только после этих указаний в календаре, например, на 1717 г. приведено число лет «от коронования его царского величества, все-российского, Петра Первого», от рождения его сыновей царевича Алексея и царевича Петра, а также его внука Петра (будущего Петра II). Следующими наиболее значимыми указаны число лет от начала «флота российского» и «виктории» под Полтавой. Завершают эти сведения на каждый год практические и научные данные — о затмениях, «о четырех временах года», «о войне и мирских делах», «о плодородии и недородии», «о здравии и болезнях», а также указания медицинские, когда пускать кровь (распространенное в то время средство лечения) и принимать лекарство. Так что Петр ввел в практику ежедневной жизни образованных россиян преобразующее изречение-призыв эпохи Возрождения «знание — сила».

Петр готовил проекты многочисленных законов, разрабатывая, если необходимо, разные их редакции, участвовал в их обсуждениях, а также в самых разных заседаниях, которые имели государственное значение. Государственная служба определялась для него категориями бескорыстности и службы. Отсюда его афористичное выражение: «кому деньги дороже чести — оставь службу» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 455]. На нарушителей этого принципа часто обрушивался царский гнев. Но искоренить принцип, в соответствии с которым «деньги дороже чести», Петр, разумеется, не мог, поскольку новые начала жизни знати и дворянства требовали значительно больше денег, чем раньше. К тому же новые принципы предприимчивости, жажды обогащения совмещались в России того времени со средневековой традицией «кормиться» от своей должности

Активная, насыщенная самыми различными событиями жизнь Петра Великого с юности до последних дней, творческое отношение к действительности были свойственны Новому времени. Она являлась разительным контрастом к прежнему средневековому быту России и ее правителей. Конфликт Петра с сыном Алексеем лишь символично продолжил эти две противоположные системы поведения.

Знаковым в данном отношении является письмо Петра сыну, отправленное из Копенгагена 26 августа 1716 г. Оно было написано в сложной военно-политической ситуации. После Полтавской победы Петр восстановил союзные отношения с датским королем Фредериком IV и Августом Сильным, которых ранее Карл XII заставил заключить с ним мир. Успешные военные действия в 1714 г. позволяли перенести военные действия на скандинавские территории Швеции. Петр находился в Копенгагене с целью убедить короля объединить датский и российские флоты, организовать десант в Швецию и завершить изнурительную для всех Северную войну.

Петру очень нужен был рядом помощник, близкий человек, который мог бы разделить с ним многочисленные заботы, связанные с обеспечением вдали от России армии, флота, с ведением дипломатических переговоров. Он хотел подготовить преемника себе на престоле. Поэтому царь просил прибыть к нему Алексея, который всячески от этого уклонялся. В письме к сыну Петр напомнил его слова: «<...> ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь». Петр ждал решения сына семь месяцев, но теперь он потребовал, чтобы Алексей принял определенное решение: или отправился бы к нему в Данию, или в монастырь. Он требовал определенности в этой ситуации, «ибо, — закончил Петр в свойственном ему афористичном стиле, — я вижу, что только время проводишь *в обыкновенном своем неплодии*» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 82. Л. 141; курсив наш. — М. С.]. Алексей ответил на требование отца бегством в Австрию к императору Карлу VI.

Слова Петра раскрыли основное содержание его жизни — активная творческая деятельность. Все остальное — «неплодие». Жизнь показала следствия такого «неплодия» — преступление Алексея перед собой как личностью, преступление перед отцом, которому должен оказывать помощь, преступление перед своей страной.

Использованное Петром Великим слово «неплодие» объясняет также отношение к тому, от чего он отказался в юности — от средневекового образа жизни. Уже в юные годы он убедился, что альтернативой «неплодию» являются только творческая активность, новые научные знания и техника. Стремлению сына Алексея уйти в монастырь Петр противопоставил требование Нового времени — создавать «плоды», конкретные результаты созидательной деятельности, что было свойственно передовым державам Европы того времени. Всеми своими трудами Петр показал, что он осознанно выбрал для себя и своей страны движение вперед, прогресс как систему ценностных ориентаций. Поэтому представляются ошибочными постоянно повторяющиеся суждения о том, что Петр насаждал в России западную культуру или являлся «западником». Он хотел, чтобы его страна находилась на уровне развития передовых европейских держав.

Личный опыт юного Петра убедительно показал ему, что сохранение традиций российской жизни XVII в. ведет страну к «неплодию», в «небытие». Единственной альтернативой этому пути стала системная модернизация основных составляющих российской действительности конца XVII — первой четверти XVIII в. — армии, государственного строя, экономики, культуры, образования. В процессе этих системных преобразований были созданы современная армия, флот и Академия наук. В обстоятельствах того времени единственным средством провести самые необходимые реформы при отсутствии подготовленных национальных кадров стало творческое освоение во всех этих отраслях опыта экономически развитых западноевропейских держав, приглашение западноевропейских специалистов.

В соответствии с принципами Нового времени для Петра Великого всю его жизнь главным являлось *дело*. Поэтому он писал своей супруге «Катери-нушке» в 1712 г.: «Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно ж. Аднако можешь разсудить, что дела на нескуку менять не надобно» [ПБПВ. 1977. Т. 12, вып. 2. С. 49]. К *делу* он побуждал не только своего сына Алексея, но и людей на государственной службе. Поэтому в указе от 2 июня 1718 г. он указывал президентам коллегий, чтобы они «калегии свои с ревностию в дело производили». Генералу П.И. Ягужинскому он приказал «в коллегиях часто сей наш указ напоминать, побуждать и смотреть также по всея месяцы репортовать себе, сколько которая коллегия в которой месяц аванжировала, дабы видеть ревностного и презорцу» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 451].

Для того чтобы приучить сенаторов к ответственности, к максимальной продуманности принимаемых решений, Петр принудил их подписывать дела, разъясняя им в явном гневе в указе от 7 октября 1707 г.: «<...> и без того отнюд никакого дела не опьределяли, ибо сим всякого дурость явьлена будет» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 196].

Не о «западничестве», а о патриотизме Петра Великого свидетельствует его стремление воспитать у россиян новое мышление — служения не государю, а Государству, на что указывают все его ранее названные практические предприятия и законодательство, его собственный пример бескорыстного служения России. Патриотизм его формировался постепенно уже в юношеские годы, когда он видел, насколько традиционное, жизнь по старине уступают в своих возможностях современному, а в конкретных случаях — западноевропейскому. Этот патриотизм соединился у него с пониманием особого значения не царя, но Отечества, не государя, но Государства, как отмечено ранее, в соответствии с новейшими тогда теориями естественного права, общественного договора, «регулярного» государства как утверждения государственной и народной пользы.

Отсюда стремление Петра к установлению новых для России отношений между людьми. Уже в начальный период своей реформаторской деятельности он указал людям всех слоев общества, «царевичем, и бояром, и окольниковым, и думным, и ближним, и всяких чинов служилым и купецкого и всяких чинов людям и людям боярским, и крестьяном к великому государю в челобитных и отписках, и в приказных, и в домовных во всяких письмах генваря с 1 числа нынешнего 1702 году писаться целыми именами с прозваниями своими. А полуименами никому не писаться» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 162]. Но, отстаивая хотя бы в такой форме человеческое достоинство подданных, Петр не мог прекратить обращение к себе людей всех сословий как «рабов» в период высшего подъема абсолютной власти монарха.

Разгром под Нарвой в 1700 г. убедил Петра в том, что патриотизм должен быть соединен не со стариной, а с новым, с прогрессом, что стало идеологией всей его преобразовательной деятельности. Он принадлежал не к тем, кто

после поражения уходит в жизнь по-старому, «по старине» как утверждению истинности в соответствии со средневековым принципом. Петр относился к тем, кто принимает вызов времени. Петр идентифицировал себя с новым, что соответствовало тогда западноевропейским стандартам в технологиях, в научных знаниях. Поэтому, как он писал в 1716 г. в Объявлении к Уставу Воинскому, Россия одержала победы не только над сильным противником, но и над собственным прежним «варварством»: «<...> какие великие прогрессы с помощью Вышнего учинили над каким славным и регулярным народом, тако всяк может разсудит, что ни от чего инаго то последовало, токмо от доброго порядку, ибо все беспорядочной варварской обычай смеху есть достойной, и никакова добра из оного ожидат невозможно» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 52]. Петр убедился в том, что преобразования становятся основаниями «прогрессов», побед, тогда как старина, «варварство» — поражений. Поэтому в Северной войне победили Россия и он как ее политический и военный руководитель, император.

Такое отношение к преобразованиям означало не отвержение родного народа и его традиций, а его развитие в широких связях с культурами других стран. В этом Петра активно поддержал Феофан Прокопович и другие петровские сподвижники. Как написал Прокопович в своей широко распространенной книге «Правда воли монаршей», «разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худаго отстати, чуждаго принять не хочет» [[*Прокопович Феофан*]. 1722. Л. 44]. Но осваивать «чужое» следовало, сохраняя лучшее «свое». Поэтому в полной мере искренними были слова Петра об особом отношении к русскому народу, обращенные к некоей девушке (возможно, своей племяннице Анне Ивановне), вышедшей за иноземного жениха: «Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче протчих» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

В отличие от многочисленных дворян и дворянских юношей, которые старались избежать государственной службы, Петр заставлял сына Алексея исполнять государственные обязанности. Когда же родился от брака с Екатериной сын Петр, он мыслил его только на военной службе, причем, начиная с солдата. Поэтому он сообщал в 1715 г. разным лицам: «Бог дал мне рекрута отцовым именем; дай Бог, чтоб видеть под мушкетом». В обращениях к флотским офицерам он вносил соответствующее изменение: «Бог дал мне маленькова матроза». То же писал Петр в 1717 г. и своей жене после рождения у них сына Павла [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 79. Л. 270, 271 и след.; ед. хр. 84/1. Л. 15; *Бычков А.Ф.* 1872. С. 40]. При этом Петр считал необходимым, как следует из его указа Воинской коллегии от 1 января 1719 г., «чтоб через чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить», начиная с солдат (для дворян и офицерских детей — начиная с солдат в гвардии) [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 90. Л. 1].

Для Петра эти идеи являлись лишь обобщением личного опыта. Он сам исполнял прохождение службы в разных родах войск, начиная с низших чинов, и в случае необходимости принимал личное участие в сражениях.

Последовательным было для Петра, человека православного, глубоко и искренне верующего, утвердить в России свободу протестантского и католического исповедания, что стало разрывом с предшествующей многовековой средневековой традицией. Его очень беспокоило в новой России состояние веротерпимости. Для ее утверждения он стремился к тому, чтобы христиане разных исповеданий лучше знали их особенности. В указе Синоду от 16 января 1723 г. им было предписано «собрать римской (католический. — М. С.), лютерской и калвинской катехизмы и прочие церковных действий книги и, переведши на славенский диалект, для знания и ведения напечатать» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 122]. Но такой подход к разным христианским Церквам не означал для Петра разрушение веры православной, а потому он наказывал девушке, вышедшей замуж за иноземного жениха: «Веру и закон, в ней же радилася, сохрани до конца неотменно» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

В то же время он стремился не только к реорганизации управления Русской Православной Церкви, но и к превращению ее в современную духовную организацию. Поэтому в одной из записных книжек он отметил: «Чтоб написать книгу о ханжах и изъяснит блаженствы, <...> что не так, как они думают; и приплесть к Требникам <...>». А когда книга «О блаженствах» была издана, он ее одобрил, но написал в указе Сенату от 13 июля 1722 г.: «<...> надлежит предисловие сделать, в котором розные наши толкования неправые, хонжевские все выяснит, дабы читающие перво свой порок узнал и потом ползу и прямую истинную». На подготовку грамотных священников в современных семинариях Петр выделял особые деньги [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 78, 110]. Но распространение ханжества как наследия прошлого в церковной и светской среде Петра беспокоило чрезвычайно. Ему принадлежит афористичное предупреждение: «И тако не всякий грех может ханжество употреблять при своем [свершении], а ханжество — все». В Новое время, которое создавало условия для юридических договорных отношений, ханжество создавало условия для обширного поля неправых межличностных связей. Поэтому для его обличения Петр ссылался на авторитет Священного Писания: «Наконец, Христос спаситель ничего апостолом своим бояться не велел, а сего весьма велел: “Блюдитесь”, — рече, — “от кваса фарисейска, еже есть лицемерие”». В данной связи прекрасный знаток рукописей Петра Н.А. Воскресенский отметил свойства характера царя, противоположные таким качествам: «Простота, грубоватая прямота, правдивость, искренность и честность, а также великодушие — вот основное настроение в его собственноручных писаниях и весьма заметные мотивы правительственных его действий. А эти черты и мотивы исключают ханжество и лицемерие в характере человека и правителя» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 436, 464].

Петр много сделал для создания новой системы поведения, прежде всего дворян. Но его усилия распространялись и на представителей других сословий, которые оказались в сфере воздействия преобразовательной деятельности. Как отмечено ранее, Всешутейший собор вышучивал чванливость знатностью, спесивость, средневековую обрядность, утверждал брак по любви и так далее. Обостренное чувство служения Государству и Отечеству вызывало у Петра решительное осуждение отсутствия «склонности» «к воинским и гражданским делам», что ему пришлось увидеть в собственном сыне Алексее. В данном конкретном случае он видел, что такой наследник «растерял» бы то, «что чрез помощ Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа российского, для которого я, — писал Петр далее о себе в полной мере обоснованно, — здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 164–165].

Такую ответственность за славу и честь народа российского должны были испытывать и другие россияне, прежде всего дворяне, которым следовало, как считал Петр, быть грамотными, заниматься прежде всего воинскими и гражданскими «делами» к «славе и чести народа российского». Петр в своей всесторонней деятельности, в ее талантливом исполнении стал образцом не только для своих сподвижников, но также для тех современников и потомков, которые понимали требования своего времени, а потому стремились к прогрессу, к продолжению преобразований в России, к соответствию собственной личности Новому времени.

3. Петр Великий и становление российской исторической науки

В результате преобразований Петра Великого в России были созданы условия для новаторства во всех отраслях экономической и общественной жизни, для начала научного творчества. В создании основ исторической науки Петр принял самое активное участие.

Тема «Петр как историк» привлекала внимание исследователей. Она была поставлена в историографии Н.Г. Устряловым. Получив доступ в Государственном архиве к рукописям Петра Великого, он обратил внимание на принадлежащий Петру текст, который был включен в историческое произведение П.П. Шафирова «Разсуждение о причинах Свейской войны», на работу Петра как редактора и соавтора «Гистории Свейской войны». Устрялов отметил объективность Петра в изложении политических и военных событий, в редактировании подготовленных секретарем А.В. Макаровым материалов, устраняя, в частности, его восхваления [*Устрялов Н.* 1845. С. 257–273].

П.П. Пекарский развил намеченное Н.Г. Устряловым направление в изучении деятельности Петра как историка, а также исторической науки в петровское царствование. Он отметил указания царя о необходимости написания